

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Е. И. ЗАРИНОЙ-НОВИКОВОЙ

Публикация С. Р а д и н а

Екатерина Ивановна Зарина (урожд. Новикова) стала известна в литературе своим рассказом «Питомцы», напечатанным в декабрьской книжке «Современника» за 1863 г. Рассказ был напечатан анонимно, но имя начинающей писательницы вскоре стало широко известным. «Обличительная» повесть о невыносимо тяжелом быте беспризорных детей, отдаваемых на воспитание немцам-колонистам на правом берегу Невы, стала предметом обсуждения в печати, вызвала, как отмечает и сама Новикова, репутацию Воспитательного дома и несколько улучшила положение его питомцев.

Вслед за «Питомцами» последовал длинный ряд других произведений молодой писательницы: кавказские рассказы, очерки крестьянского быта, несколько пьес и т. д.

Екатерина Ивановна была женой известного в свое время публициста умеренно либерального направления, Ефима Федоровича Зарина (1829—1892). Трудность и шекотливость положения Екатерины Ивановны, предложившей свою повесть именно «Современнику», усугублялись тем обстоятельством, что незадолго до этого времени Зарин оживленно полемизировал с Чернышевским. Его статьи «Небывалые люди» («Библиотека для Чтения» 1862, № 1), «Лесть живому и поругание над мертвым» (там же, 1862, № 3), «Сочинения Н. А. Добролюбова» (там же, 1862, № 7) вызвали исключительную по резкости полемику. Чернышевский отвечал Зарину статьей «В изъявление признательности» («Современник» 1862, № 2; Собр. соч., IX). На вторую, наиболее резкую, его статью, помещенную в июльской книжке «Библиотеки для Чтения», Чернышевский ответить уже не мог.

В условиях такой полемики и неприязненных отношений с лагерем революционных демократов естественно недовольство Зарина фактом сотрудничества его жены во враждебном ему органе; этим же, вероятно, объясняется и осторожность редакции «Современника», напечатавшей повесть анонимно.

Екатерина Ивановна Зарина-Новикова скончалась 25 января 1940 г., на 105-м году жизни (некролог ее см. в «Литературной Газете», 1940, № 7). Ее обширные воспоминания, законченные незадолго до смерти, хранятся в Институте литературы Академии Наук СССР. Из них и взяты публикуемые впервые отрывки, составляющие 7, 8 и 10-ю главы третьей части «Воспоминаний» (лл. 43—57 и 85—96 рукописи).

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕКРАСОВЕ

1

В конце августа 1862 года мы переехали с дачи на новую квартиру на Итальянскую улицу в доме Красовского. Я не переставала думать, куда приютить «Питомцев». Слыша не раз в нашем обществе отзывы о всех журналах, я нашла, что в «Современник» лучше всего, и мне почему-то казалось, что Некрасов мне скажет правду, если я его спрошу. Меня что-то влекло к нему, а в последнее время я даже любила читать его стихотворения. Но только я должна была отдать рукопись прямо ему в руки, — так было решено. И это решение затянулось на несколько месяцев.

В доме все хворали— дети, матушка и даже я сама, и только через несколько месяцев я могла исполнить свое желание. Это уже был 1863 год.

Сначала я пошла в редакцию журнала «Современник» в надежде увидеть там Некрасова и передать ему тетрадь, но его не было, он был дома. Я пошла к нему на квартиру; он жил в доме Краевского, где и умер.

Я просила лакея доложить обо мне. Через несколько минут я вошла в кабинет Н. А. Некрасова, он встретил меня у порога, протягивая мне руку и приглашая сесть. Я села недалеко от письменного стола.

Я не раз видала портреты Некрасова, но в действительности он показался мне лучше, чем на портретах. У него мне понравились глаза: черные, быстрые, очень умные. Когда он на меня глядел, то мне казалось, он насквозь видит меня и читает мои мысли.

— Чем могу служить вам? — спросил он меня.— Голос у него не был так чист и красив, как его глаза, немного сиплый, как будто после болезни.

— Я принесла вам мою первую повесть, — нерешительно проговорила я и подала ему довольно толстую тетрадь.

— А вы давно занимаетесь литературой? — спросил он, разглядывая тетрадь и поворачивая листы. Я видела, как быстро бегали его глаза по строчкам.

Я сказала, когда начала, где первое время работала, в какой газете.

Он спрашивал, сама ли я все это видела, что описываю, или понаслышке.

Я рассказала, как все было, что мы жили на даче в колонии.

Когда он кончил расспросы, я поднялась с места и не двигалась.

Я не решалась спросить его о том, что хотела непременно знать.

— Вы, кажется, что-то хотите спросить меня? — заговорил он, глядя на меня приветливо.

Я приободрилась и высказала ему мое желание.

Он улыбнулся и проговорил:

— Вы позвольте мне завтра прислать вам мой ответ.

— Благодарю вас, — торопливо сказала я, протягивая ему руку.

Он записал мой адрес, проводил меня до самой передней и успел спросить о моей семье и как успеваю я заниматься литературой, имея так много семейных забот. Я отвечала ему.

В передней он взял из рук лакея, державшего мне наготове пальто, и сам подал мне его.

Простившись с ним, я шла домой легко, быстро, как будто у меня были приделаны крылья. Я была счастлива от такого ласкового, любезного приема Н. А.

Я всегда любила читать его стихотворения, а теперь я познакомилась с ним самим.

Придя домой, я увидела серьезное лицо мужа, который сидел за письменным столом и что-то торопливо писал. Он так был занят, что даже не обратил внимания на меня, когда я с веселым лицом вошла в кабинет звать его к столу.

Он машинально оторвался от работы, взглянул на меня молча и снова углубился в свое писанье.

Во второй раз я не пошла его звать, он этого не любил. Через полчаса он вышел сам, пообедал и ушел в кабинет.

Я даже была рада, что он очень скоро ушел, так что я не успела ему рассказать про свой визит к Некрасову и решила подождать ответа. «Может быть, еще и не примет», — подумала я.

До глубокой ночи мы разговаривали с матушкой: она посоветовала разобрать бумаги покойного отца, где он записывал случаи из его жизни.

— Может быть, это тебе пригодится для твоего писанья, — говорила она.

И, правда, я многим воспользовалась для своих кавказских рассказов из его дневника и записной книжки.

2

На другой день я встала раньше обыкновенного, ожидая ответа. Было два часа дня, когда пришел посланный от Н. А. Некрасова. Я получила от него письмо, в котором он хвалил мою повесть, писал, что я первая подняла давно нужный вопрос о брошенных детях, и это он ставил мне в большую заслугу. Много лестных слов, приглашение быть сотрудницей его журнала. Прислал мне том своих стихотворений с очень любезной надписью¹ и большой гонорар. И обещал поместить «Питомцев» в текущем году в летних месяцах. Это был 63-й год. Такое же милое письмо получила я и от Щедрина-Салтыкова. И когда муж вернулся из редакции, а брат из полка, мы сели за чайный стол, я рассказала им все по порядку от начала моего писанья и до вчерешней моей встречи с Н. А. Некрасовым. Показала, что я получила. Удивления, похвал было бесконечно, но я по лицу моего мужа видела, что это ему не нравится.

— Следующее твое писанье покажи мне, я укажу, куда направить, — сказал он².

Но я никогда не показывала ему моих работ, боясь, как бы он не вздумал их поправлять. Но и он, кажется, забыл о желании просматривать мои работы, ему и своей было слишком много.

Когда были напечатаны «Питомцы», то я получила массу писем от литераторов и посторонних лиц, с похвалами, от Дома молодых матерей благодарность, что я открыла такое большое зло. И от моих милых почтительниц чудный бювар с подписями. Администрация тоже обратила

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН»

Акварель П. П. Соколова, 1875 г.

Русский музей, Ленинград

внимание; была ревизия, открылось много злоупотреблений, от многих колонисток отобрали питомцев и передали в соседние деревни, наложили штраф на тех колонисток, которые били детей. Назначили новых смотрителей. вообще улучшили быт этих безвинно виноватых младенцев.

Ободренная такими отзывами и, главное, Н. А. Некрасовым, Щедриным-Салтыковым и моим другом Лесковым, Соловьевым и всей нашей близкой компанией, я со всей энергией и любовью принялась за мои любимые работы. Я работала много, несмотря на мои большие заботы о семье. Писала рассказы, повести и даже пьесы, которые шли в провинции с большим успехом. В 1920 (?) году драма «Былое» в 5 действиях шла раньше (?) в провинциях. Драма «В угаре» из жизни в Поволжье в 4-х действиях, взятая с натуры, шла в Павловске два года и в Детском Селе. Обе шли с аншлагом. Когда к нам приехал из Москвы Алексей Теофилактович (Писемский) и мы встретились с ним, он подошел ко мне и с веселым добродушным лицом, целуя матушку, заговорил:

— Ну, барынька, поздравляю вас с большим успехом. Вы первая смело прорвали брешь, за которой годами скрывали брошенных невинно младенцев, забывая о их существовании. И эти малютки росли, не зная ласки матери, которую, вероятно, не раз малютки звали, плача от побоев толстой колонистки.

Он интересовался знать, что я начала писать. Разговор был лестный, приятный для меня и давал мне все более и более смелости писать задушные мною вещи.

3

В одну из суббот к нам собралось очень много гостей. По обыкновению знакомые литераторы. Пришел и Майков, он очень редко у нас бывал. Все восторгалось только что написанными стихами, которые он читал прелестно. Был Н. С. (Лесков) с Екатериной Степановной, Д. Л. Михайловский с женой Люб(овью) Ал.

Никогда еще не было такой интересной субботы, как эта.

Разобрали только что вышедший роман Тургенева «Довольно»³.

Затем говорили о судебных реформах, земском учреждении, о покорении Западного Кавказа Евдокимовым. Все это было очень интересно и ново.

Пришел Решетников; он постоянно жил в Москве, а месяца полтора назад приехал в Петербург.

Привез роман «Подлиповцы». В Москве никто не принимал его романа, так что он приехал в Петербург. Отдал в две редакции и журнал «Заря». Не приняли, только продержали, провели время. Тогда он решился обратиться в «Современник».

— Я только третьего дня виделся с Н. А. Некрасовым, был у него, — заговорил Решетников, обращаясь к моему мужу, который спросил его о его романе.

— Вы виделись с Николаем Алексеевичем. Ну, что же он вам сказал? — спросил Крестовский.

— Удивительный он человек, — улыбаясь, заговорил Решетников, — я расскажу вам мою с ним встречу.

Я вошел в редакцию, но никого там не застал. Ждать Щедрина-Салтыкова мне не хотелось, я хотел лично видеть Н. А. и поговорить с ним.

Прохожу к нему на квартиру, спрашиваю: «Дома?»

— Дома.

— Доложи, — даю ему мою карточку.

Через две минуты лакей докладывает:

— Они лежат, просят пожаловать в кабинет.

Прохожу в кабинет. Н. А. лежит на диване в халате. Едва я вошел кабинет, он мне крикнул:

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ»
(«МУЖИЧОК С ПОГОТОК»)

Рисунок В. А. Серова, 1896 г.

Русский музей, Ленинград

— Простите, дорогой Федор Михайлович, что я встречаю вас в таком виде.

Я подошел к нему, мы обменялись рукопожатием.

— Вы извините меня, что обеспокоил вас, — сказал я.

— Э! полноте, что за извинения. Я здоров. Дело в том, что я вчера был в Английском клубе, в картишки играл, мне чертовски везло, кажется, я всех обыграл. Поздно вернулся, голова немного не свежа. Садитесь, пожалуйста. Что привезли? Покажите-ка.

Я подал ему сверток.

— Ого! Тяжелые же ваши «Подлиповцы», — улыбаясь, сказал он мне. И стал перебирать и проглядывать тетрадь, быстро бегая глазами по строкам. Я сижу и думаю: «Пожалуй, и он откажет».

— Ну, Федор Михайлович, возьмите-ка ее и положите на мой письменный стол, дружок мой, и поговорим с вами.

Рукопись вашу я принимаю, а скажите мне, почему это в Москве-то не приняли ее?

— Говорят — не подходяще.

Н. А. громко рассмеялся.

— К их жидким мозгам, что ли? Да?

— Ну, расскажите мне что-нибудь про наших москвичей.

Я рассказал ему о волнении московских помещиков по поводу реформы.
— Да, вопрос очень большой важности. Нелегко нашим избалованным магнатам отказаться от своеволия и порабощения.

Мы довольно долго говорили об этом вопросе. Он высказал, что очень рад такому мировому перевороту, который будет записан в книгу бытия, добавил он.

— А давно вы тут? — спросил он.

Я сказал.

Он быстро поднял голову и дружеским голосом спросил:

— Ах, вот что! Вам, Федор Михайлович, вероятно, деньжонок нужно, да?

Мне было неловко ответить ему на этот вопрос. Я промолчал.

Он улыбнулся.

— Не конфузьтесь, дружок мой Федор Михайлович. Ничего не говорите мне, я все знаю, хорошо знаю. А вот, дружок, откройте-ка средний ящик в письменном столе и возьмите себе деньжонок, сколько хотите.

Я подошел к столу, открыл ящик и едва удержался, чтобы не вскрикнуть от удивления. Я никогда не видел такого количества денег, разложенных пачками в ящике.

— Вы, пожалуйста, Федор Михайлович, не стесняйтесь, берите, сколько нужно, потом мы с вами сочтемся. Я ведь рассказывал вам, как вчера мне чертовски везло, всех обыграл. Берите, вы ведь свои деньги берете, оставляя мне за них своих «Подлиповцев».

Все с любопытством слушали его рассказ. Решетников продолжал:

— Тогда я в уме подсчитал, сколько мне нужно, взял деньги, и, затворив ящик, подошел к Н. А.— Я взял тридцать рублей, благодарю вас.

— Что же так мало, возьмите еще,— несколько раз повторил он мне, но я решительно отказался от его любезного предложения.

— Бросьте вы эту Москву, Федор Михайлович, и переезжайте к нам; у нас гораздо свежее люди и, кажется, сердечнее, а ваших «Подлиповцев» я помещу в нынешнем году. У нас главные заедалы — цензора, но все же лучше ваших, я знаю.

Мы дружески простились, он просил перед отъездом зайти к нему.

— А вы когда уезжаете?— спросил мой муж.

— Дня через два; я, действительно, думаю переехать к вам. Мне наскучила Москва.

Все дружно поддержали его.

— А главное, мне нравится в Ник^олае Ал^ексеевиче его простота и сердечность, с какой он предложил мне деньги,— снова заговорил Решетников.— В его разговоре, манере держаться проглядывает дружеское отношение.

— Да, он в этом отношении очень деликатен,— заметил кто-то.

— Я про него много слышал похвального у нас в Москве.

Некоторые выражали порицания его поступкам и взглядам, а другие оправдывали.

— У каждого человека есть свои взгляды и убеждения, которых он держится и проводит в жизнь,— сказал Решетников.

Разговор перешел уже на другие вопросы и события дня ⁴.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Экземпляр, подаренный Некрасовым Зариной, и его письмо к ней неизвестны.

² Трудно сказать, соответствует ли действительности и сообщаемый Зариной в другом месте «Воспоминаний» (ч. III, гл. XIII, л. 113) факт, будто бы «несмотря на неоднократные приглашения Н. А. Некрасова работать у него, мой муж отказался по принципиальным причинам». Это могло быть скорее в 1868 г., когда «Отечественные Записки» перешли к Некрасову.

³ «Довольно» Тургенева впервые появилось в V томе его сочинений, вышедшем в свет в середине апреля 1865 г. (М. К л е м а н, Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, 1934, 154). Таким образом, разговор, описанный в этой главе, происходил в апреле 1865 г. Но следующий затем отрывок о Решетникове описывает эпизод, относящийся к началу 1864 г. Налицо, таким образом, частая у мемуаристов контаминация дат.

⁴ Глеб Успенский, А. Я. Панаев и другие мемуаристы и биографы Решетникова излагают историю его знакомства с Некрасовым и помещения «Подлиповцев» в «Современнике» (1864, №№ 3—5) несколько иначе. Сводку этих материалов см. в примечаниях И. И. Векслера к Полн. собр. соч. Ф. М. Решетникова, Свердловск, 1936, I, 411 и сл.